

52. ДЕД В ПАУТИНЕ

Открыв дверь, я говорю: "Здравствуй, хата!" С большой фотографии на стене мне отвечает вечное молчание отца-матери.

Дом оживляют память, огонь и вода. Когда пламя в печке устойчиво загудит, я беру ведро, иду к колодцу деда Ильи, живущего через улицу напротив. Переходя улицу, вижу вдали женщину на велосипеде. Она едет ко мне зигзагами, лавируя среди лепешек на асфальте. Я терпеливо стою, ибо не могу перейти ей дорогу с пустым ведром, выказать непочтение к землячке, к поверью. Пусть будет ей счастье с верхом! "С приездом на родину, Николаевич!" — говорит она и проезжает не останавливаясь.

Открываю исправную калитку деда Ильи, и мне под ноги катится лохматый гавкающий комок по имени Дружок, которого я спрашиваю: "Ты что, Дружок, не узнал меня?" Он мгновенно исправляется, начинает подпрыгивать, чтобы лизнуть мою ладонь. На наш диалог выходит из дома дед Илья в ватных штанах, не снимаемых ни зимой ни летом по причине болезни ног. Мы обнимаемся. Зовет на веранду, несет табуретку, и я знаю, что не отпустит, пока не отвечу на все его вопросы.

Первый вопрос деда Ильи о том, все ли в порядке в моей хате: может, он чего недоглядел, может, влезли воры?

Второй вопрос деда Ильи о здоровье моих близких. Пристрастно расспрашивает о моей теще, своей ровеснице: какая пенсия, чем занимается, как настроение... Полученную от меня информацию тут же прикладывает, словно линейку, к собственному житью-бытью, и видно, что ему важно наблюдать себя в системе координат, понятной только ему.

Третий вопрос деда Ильи — о друге далекого детства, моем родном дяде Коле, живущем в Минске. (Дядя Коля, узнав, что я побывал в Горске, тоже попросит меня рассказать о Люше в подробностях и деталях. Расставшись много лет назад, избрав разные жизненные пути, старики смотрят друг в друга, как в зеркало. Убери от них это зеркало — заблудятся. Старые друзья убедили меня: пока жив человек, он сравнивает себя с другим человеком. Перестал сравнивать — значит, больше не жилец. Желая обоим долгих лет, я добросовестно передаю их взаимные приветы, поддерживаю между ними КОММУНИКАЦИОННУЮ СВЯЗЬ.)

Четвертый вопрос деда Ильи — политический: "Что ТАМ Лукашенко говорит и делает?" Там — означает в столице, где я живу и, как дед понимает, непосредственно слышу и вижу, ЧТО Лукашенко говорит и делает. Илья Григорьевич подозревает, что Александр Григорьевич реально творит

нечно иное, нежели то, что показывают по телевизору, о чем вещают "брежаловка" (проводное радио).

На столе раскрытая цветная газета, рядом кусок хлеба, на нем муха. Судя по всему, дед только что читал. Спрашивает, бывал ли я в Латвии. Это традиционный вопрос. У Григорьевича дочка в Бресте, сын в Риге, есть внуки и один правнучек. Дед думает об их будущем. В разноцветной газете Латвию постоянно мажут черным: мол, русские там мучаются, мол, туда пришли фашисты. А его сын там живет, доволен... Тьфу на такую газету! По безразличному выражению лица можно подумать, что на столе рядом с хлебом не газета, а задница. Муха никаких эмоций у деда не вызывает.

Двор деда Ильи изобилует гусями, курами, утками, поросятами, огород буйствует овощами, сад — ягодами и фруктами, пенсии хватает на хлеб и крупу, голод не грозит, но передо мной — изголодавшийся человек. Илья испытывает ИНФОРМАЦИОННЫЙ ГОЛОД. Его вопросы сигнализируют о подведении итогов, о потере ориентиров, о желании перемен, об одиночестве души, о психологическом дискомфорте...

Сегодня, сославшись на необходимость мыть в хате полы, я откажусь от предложенного мне стаканчика самогонки. Завтра дед Илья предложит опять. Откажешься — оторвешь его от мира еще дальше, посыплешь соль на рану. Завтра мы выпьем — и меж нами установится связь, она лучше волоконно-оптического кабеля, хотя по нему, как утверждают спецы, за сто километров можно разглядеть горящую свечу.

С 17 лет я собираю, вкладываю в журналистскую форму и распространяю факты. Встречал множество определений ИНФОРМАЦИИ, сам сочинял их, пока не прочитал формулировку Клода Шеннона. По-моему, именно он, математик и инженер, заложил философские, общественно-социальные, нравственные основы истинной журналистики.

Американец Клод Шеннон в тридцатых годах, будучи совсем молодым человеком (родился в 1916-м) предложил преобразовать информацию в двоичную форму, пользуясь двумя цифрами — нулем и единицей. Двоичная цифровая система позволила зафиксировать информацию, хранить неопределенно долго, передавать на любые расстояния. Так родился компьютер. Двоичным числом можно записать текст, картинку, движение, звук — любой вид информации.

Предвидя информационный бум, хорошо представляя информацию в материальной форме, зная способность человека использовать прогресс во благо и во вред, во время второй мировой войны Шеннон пришел к выводу: информировать — то самое, что УМЕНЬШАТЬ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ.

Хата моего Ильи не с краю, но он ничего не знает. Та информация, которую он получает из государственных СМИ (иной — нет), приносит ему тревогу, страдания. Такая информация лишена гуманистической цели, ибо опутывает человека, как паук опутывает муху паутиной, чтобы удушить и высосать.

Парадокс: человек не знает своего времени, но хочет знать будущее. Гениальный человек отличается тем, что будущее знает как свое время. Билл Гейтс в конце шестидесятых, в школьном возрасте, увлекся компьютером, личную страсть спроецировал в будущее — и распознал эру персональных компьютеров. Будущее так влекло, что он бросил Гарвардский университет, основал программистскую фирму Microsoft. ПК стал неотъемлемой частью нашей жизни, соединил нас в мировую коммуникационную паутину Internet, которую в 1999-м обожгла шокирующая новость: фирму Билла Гейтса судят.

Дальновидная Америка применила шок ради жизни, ради будущего. Супермонополия Microsoft стала подавлять интеллектуальную конкуренцию, то есть тормозить развитие, а это — грех, преступление. Уплатив гигантские штрафы, империя Гейтса распалась на несколько фирм, конкурирующих друг с другом, следовательно, способствующих будущему. Да и сам отец-основатель к середине девяностых перерос свое детище, занялся быстродействующими системами связи и карманными компьютерами.

Из книги Билла Гейтса "ДОРОГА В БУДУЩЕЕ": "Выгоды и проблемы, которые сулит грядущая революция в области связи, очевидно, окажутся грандиознее тех, что принесла с собой эра персональных компьютеров... Все компьютеры будут постепенно соединены друг с другом, чтобы общаться с нами и для нас. Глобально взаимосвязанные, они образуют грандиозную сеть — так называемую ИНФОРМАЦИОННУЮ МАГИСТРАЛЬ. Прямой ее предок — нынешний Internet... Глобальный информационный рынок объединит все способы обмена товарами, услугами и идеями. На практике это еще больше расширит возможности выбора: как вы зарабатываете себе на жизнь и куда вкладываете деньги, что покупаете и сколько за это платите, кто ваши друзья и как вы проводите свободное время, где и насколько безопасно живете вы и ваша семья. Рабочее место, да и само представление о том, что значит быть "образованным", трансформируются за пределы узнаваемости. Ваше самосознание, то есть ощущение себя как личности (кто вы и где ваши корни), может измениться кардинальным образом... Вы сомневаетесь в таком будущем? Или не хотите в него поверить? Тогда не исключено, что вы просто не склонны в нем участвовать..."

Создавая коммуникационную магистраль в будущее, Билл Гейтс негативно относится к участию в этом деле правительства, предупреждает,

что это "было бы крупной ошибкой для большинства стран." Тут намек на Беларусь. Билл про Беларусь, конечно, не думал, потому что не знает про наши дела. Но мы-то знаем. В идеологических закромах белорусского государства созревает "закон об информационной безопасности", согласно которому вся информация приватизируется кучкой лиц, озабоченных лишь собственным будущим.

Сей закон прошел генеральную репетицию во время президентской кампании, когда власти изъяли компьютерное оборудование в офисах оппозиционных газет, штабов, партий, а также отключили телефоны и заблокировали интернет-сайты.

Наяву белорусский вариант информационной магистрали, где постоянно торчит то ли седой, то ли припыленный Зимовский, информирует деда Илью о мудром президенте, о "союзном государстве", о бессердечной Латвии, о зверином западе, о славянских базарах, о стремительном росте валового национального продукта...

По белорусской информационной магистрали деда Илью отравляет ложь. Вот чем обеспокоился Билл Гейтс. Живет через океан, волоконно-оптическим кабелем с хатой деда Ильи не связан, однако заметил светлячок его свободолюбивой души, этот мотылек, готовый лететь навстречу миру, ткать вольным полетом глобальные связи.

Будущая информационная магистраль свяжет в единое целое равноправных партнеров: технику, человека, государство, общество, человечество. Техника — демократична, она потребует демократизации всех компонентов магистрали, ведущей в будущее. Кто не подчинится, тот выпадет из связки — выпадет из будущего. Еще один намек на Беларусь.

Когда мой компьютер начнет со мной разговаривать (очень скоро), то меня он будет воспринимать тоже как набор нулей и единиц. Он научится распознавать мою артикуляцию, мой почерк, мой запах, рисунок моих пальцев, цвет моих глаз. Его память, аккуратно разложившая по полочкам интеллектуальные накопления человечества, будет богаче моей, его реакция — молниеносная, его логика — железная. Чтобы установить взаимопонимание, он скопирует тембр моего голоса и мой полесский акцент с легким оканием. Компьютер быстро проанализирует мой текст и засыплет меня вопросами. Первый — сугубо технический:

— Поясни принцип связи посредством водки или, как ты информируешь, самогонки.

— Это не объяснишь, это надо чувствовать. А ты — не почувствуешь, потому что не потребляешь. Впрочем, вспомни свое состояние, когда я

почищу спиртиком твои контакты, пройду пылесосом по твоим мозгам, вставлю новую батарейку... Понял?

— Пить вредно, — сказал компьютер. — Вопрос: в какой системе ты вел разговор с домом или, как ты информируешь, с хатой?

— В душевной.

— Оставляю на твое усмотрение. Обнаружена ошибка: лепешки на асфальте. Лепешки логичны на плите, на столе, в упаковке, без упаковки...

— Речь о коровьих лепешках, земляк.

— Ошибка не устранена. Не логичны корова и асфальт. Логичны корова и трава.

— Зафиксируй-ка в своей логике: в Беларуси взаимообусловлены корова и жизнь. Благодаря корове Ильи правительству не надо строить много фабрик и заводов, заботиться о снабжении населения продовольствием. Каждый выходной к деду приезжают городские дети и внуки за молоком, сметаной, маслом, творогом. Корова указывает белорусский путь. Чтобы путь не провалился в грязь, правительство прокладывает в деревне плохонький асфальт, так как хороший корове ни к чему. Она идет и по пути гадит, никто никогда не убирал в Горске асфальт, кроме сильного дождя, разумеется.

Компьютер сказал как отрезал:

— Это — не логика.

— Это — журналистика, братец, — сказал я.

— Оставляю на твое усмотрение. Вопрос: славянский базар — торговля между субъектами славянского племени?

— Это — пир во время чумы.

— Понял: опять журналистика. Почему Зимовский видится тебе припыленным? Работа у него не пыльная — журналистская...

— Он не журналист, а мельник. Белорусскую жизнь он перетирает в лож двух помолов: грубый и тонкий. В информационную магистраль запускает не байты, а пыль. Скоро ты научишься чихать.

— Оставляю на твое усмотрение. Дай аналог словосочетания: государственные СМИ.

— Приводные ремни партии. Поищи в двоичной голове — поймешь.

— Хрущев, сборник речей, 1962 год, Политиздат, страница 247, абзац номер 3 сверху.

— Молодец!

— Вопрос: каким способом приводной ремень душит деда Илью? Приводным ремнем можно передать крутящий момент, связать разрозненные детали в единый механизм. Источник: Нью-Йорк, библиотека конгресса, энциклопедия инженерной мысли человечества, страница 901.

— Так мало вариантов в Нью-Йорке! Слушай, как применяется приводной ремень в механизме "Республика Беларусь". Государственный учредитель вызывает редактора, приказывает лечь на стол лицом вниз и спустить штаны, снимает свой ремень, начинает передавать крутящий момент редакторской заднице. После чего редактор идет в редакцию, садится в кресло, высиживает средство массовой информации. От солидного клише на заднице, оставленного ремнем учредителя, тиражируется цветная газета. Массовыми подобные газеты делаются потому, что во многих деревнях почтальон не выдает старикам и старухам пенсию, пока не оформят подписку. Таковая газета попадает на стол к деду Илье, который говорит: "Тьфу!" Понял?

— Понял: это — не логика, это — журналистика.

— Ничего ты не понял. Это — сознательная порча общественной атмосферы с целью удушения всякой мысли. Поясню примером. Придурковатые подростки залпом портят воздух в лифте, выскакивают, дверь закрывается, лифт пошел по вызову, понес специфическую атмосферу следующим пассажирам. Их, несчастных, и можно представить потребителями государственной информации. Усмотрел логику ассоциаций?

— Пропускаю.

— Пропускай-пропускай, равнодушное железо. Информационный проводник из Сегодня в Будущее — не ты, а я, ЖУРНАЛИСТ. Деда Илью мне хочется не только проинформировать, но и обнять.

2001